

Алексей МИХЕЕВ

ЗАПИСКИ СРЕДНЕЙ РУКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Двадцать лет в строю¹

И все-таки я не предприниматель. Наверное, лучше мое занятие назвать так: я производитель, обеспечивающий товарами первой и второй необходимости или товарами отложенного спроса свой народ, частник, фермер, кооператор, как угодно. Но не предприниматель... Потому что я ведь не могу поставить себя в один ряд с Полтораниным, Дерипаской, Абрамовичем, Березовским и еще двумя-тремя сотнями подобных им людей, тоже называемых в нашей стране предпринимателями, которые как раз сами никогда никаких товаров и не производили, за них это осуществляют купленные ими управляющие, а они, по существу, занимаются только деланьем денег. Перегонкой их, отмыванием, вкладыванием, обналичиванием, прокручиванием, дележкой, рациональным и выгодным использованием, созданием банков, разделом сфер влияния, торгом с конкурентами, тратой на покупку заводов и даже целых отраслей, с их голубыми фишками, индексами Доу-Джонса, ставками, курсами валют и т. д. Разговорами и

сведениями о ком и о чем как раз и заполнены все экономические сводки новостей центрального телевидения, все политические ток-шоу и производственные совещания в кремле, все рассуждения президентов и все полосы экономических разделов газет и журналов – то есть тем, как олигархи и денежные воротилы *создают* в нашей стране экономику! Как они транспортируют газ за границу, как намечают новые страны для нефтяной инвазии, как торгуются, борются за цену, так что далекие от предпринимательства люди давно составили себе мнение о предпринимательстве и предпринимателях именно как об Абрамовичах и Прохоровых и давно живут их проблемами, кто сколько потерял, куда вложил и кому отдал «Норильск-никель», и какую где купил яхту. Во время как о моих делах и планах не увидишь ни строчки в газетах, не услышишь ни слова по телевидению, обо мне не вспомнит ни один далекий от предпринимательства слушающий радио и смотрящий ТВ человек; я не войду ни в одну сводку, ни в один финансовый план или отчет Министерства промышленности, хотя как раз именно я и являюсь тем,

¹ Первый свой «отчет» о предпринимательской деятельности «Записки мелкого предпринимателя» автор напечатал ни много ни мало в 1996 году, имея за плечами уже пятилетний опыт. Так что название главы «двадцать лет» одной этой временной характеристикой уже говорит о достижении.

кто все это, о чем болтают толстосумы, в стране нужное людям и производит, на которого как раз делали двадцать лет назад, в самом начале своей власти свои ставки хозяева теперешней жизни, на каждом углу трубя, что именно я, мы, такие как я и мы, и создадим новую отечественную экономику, накормим, обуем, оденем народ, откроем новые отрасли, изобретем новые производства, пополним общество высококлассными специалистами, выведем государство в передовые державы мира, и которые, на самом деле, за эти же два десятилетия в Китае, поощряемые тамошним коммунистическим правительством, сделали Китай и китайскую экономику мощнейшими, которые подняли с колен Индию, весь Восток, на которых до сих пор продолжает опираться и основываться в своих планах по развитию весь окружающий капиталистический и некапиталистический мир, и которых в нашей стране наше новые хозяева и правители, лишь получив власть в свои руки, намертво забыли, похоронили, чуть ли не упразднили, по крайней мере, бросили на произвол судьбы, заставив самих пасть как Бог на душу пошлет, отдали на разграбление рэкетирам и, не желая отставать, еще и обложили в довесок несусветной данью, видимо, чтобы мы вообще умерли от напряжения, лишив всякой поддержки, кредитов, фондов, переключив свое внимание только на лидеров макросферы, владельцев сырья, олигархов и на дележ сфер влияния и таможенных сборов с ними, чем и превратили за эти двадцать лет страну, при всем их высокопарном оптимистичном вранье по телевизору под продолжающуюся утечку из страны невостребованных мозгов, все так же не находящих у нас приложения достижений, трудоспособного населения в виде последних ценных специалистов, под постыдную пустопорожнюю болтовню, в страну малоразвитую и отсталую. За которую стало просто стыдно.

В свое время я даже посылал председателю правительства РФ М. Е. Зубкову письмо, из которого приведу выдержки

15.05.07

Уважаемый господин председатель... <.....>

...С какой грустью и даже болью возвращаешься теперь в свою страну из когда-то заштатной юго-восточной Азии, куда съездил ты, скажем, на отдых. За

те двадцать лет, за какие наши власти всего лишь говорили о будущих плодах новой экономики и смело и революционно продвигали в жизнь демократические ценности, вся юго-восточная Азия, я не говорю об остальном продвинутом мире, который и так был впереди, обогнала нашу страну на десяток лет. И это касается не исключительно туристического бизнеса, с которым мы соприкасаемся, направляясь туда отдохнуть. И который тоже на голову нашего турбизнеса выше. Это касается всех сфер тамошней жизни, а главное – экономики. Наша экономика в качестве бедной родственницы туда приходит уже за высокими технологиями.

Оставим в стороне Китай, это такая боль, с которой уже свылся западный мир, пророча через несколько десятилетий Китаю лидерство и мировое господство. Это идет речь о тех китайцах с горсточкой риса на день, о которых нам твердили в свое время в школе... Но ведь и остальная Азия развивается как на дрожжах.

Оказывается, чтобы государство преуспевало и богатело, становилось индустриально и технологически продвинутым, а люди жили счастливо и богато, да еще и нравственно, совершенно не обязательен этот пресловутый демократический путь, кстати, при демократии как раз для безнравственности-то, оказывается, слишком много места. Опять нас обманули, подсунув никому уже не нужный залежалый товар, еще и взяв за него полную цену. Опять мы за политику заплатили полной разрухой, в то время как тоталитарный коммунистический Китай или там монархический и до мракобесия религиозный Таиланд показывают чудеса развития и повышения уровня жизни. И главное, нравственность у них тоже на высоком уровне, а верующих столько, что православие в сравнении с их буддизмом отдыхает. И рождаемость прекрасная, и с приростом населения нет никаких проблем. И уверенность в завтрашнем дне. И главное, тоталитарные правители о народе думают. Ведь думают!..

У нас же с нравственностью одни проблемы, уверенности в завтрашнем дне нет никакой, а что до правителей, то по меткому замечанию Анастасии Снежиной в ее «Женском романе» у нас во власти одни коллаборационисты. Которые, и на са-

мом деле, работают на кого угодно, только не на собственный народ. Все, что ни делается у нас, какие бы даже, казалось бы, хорошие законы правителями ни принимались, почему-то все они сразу срывается против народа. У нас процентные банковские ставки не то что выше, чем в юго-восточной Азии, где контролируемые государством ставки неуклонно стремятся к нулю, а такие, каких нет вообще больше нигде в этом обетованном рыночном мире. Даже сравнить не с кем. У нас работают, процветают и растут только банки, исключительно банки, но не производство и валовой продукт, мизерными темпами роста которого так гордо бахвалится теперешнее правительство. Стоит ли спрашивать после 15–20% кредитных годовых, почему у нас приближающаяся к этим процентам инфляция такая огромная, продолжающаяся из года в год? При том, что рубль пока еще более даже стабилен, чем доллар... (2007 год)

В юго-восточной Азии, где дармовых непроизводственных доходов от продажи собственной нефти нет, раз не имеется у них больших месторождений, малый бизнес вообще не платит никаких налогов и регистрации для его деятельности практически не требуется, а средний бизнес – платит какие-то крохи, понастоящему крохи. И ведь страны эти не разоряются от недобора, напротив, богатеют, производство ширится, и товары от этого производства идут в нашу же страну. А наша страна, получающая кроме мародерских налогов со своего населения еще и дармовые доходы от экспорта сырой нефти за границу и угоняющая эти доходы в Штаты, в так называемый стабилизационный фонд, весь бизнес, и малый, и средний, без разбора, нагружает, помимо массы бюрократических препон и обязанности давать обнаглевшим до невероятности чиновникам взятки, таким количеством налогов, что даже член правительства Сергей Иванов в свое время нашел себе повод для пиара, эти цифры по телевизору озвучив: «НДС 18%, налог с имущества 2,6%, налог с прибыли 28%, и еще 16% таможенный сбор!...» О каком малом и среднем бизнесе может после этих цифр идти речь? И о какой порядочности и честности в среде предпринимателей можно разговаривать, если они всегда находятся с властями, стремящимися всеми способами их

погубить, бесконечную войну? Государство, бесчестные заворовавшиеся правители смешали и честных предпринимателей, и себя, и бандитов-олигархов в одно, заставив первых, как и себя, как и бандитов, совершать постоянно безнравственные дела. Чтобы выжить, чтобы спасти свое производство, – еще раз повторяю, по заверениям тех же властей, основу отечественной экономики, – чтобы снизить налоги и сделать их хотя бы не съедающими получаемый предприятием доход целиком, первым постоянно приходится ловчить, жульничать, скрывать реальные источники получения прибыли, вести двойную бухгалтерию и постоянно бояться тюрьмы. Что само по себе развращает, предприниматели постоянно чувствуют себя преступниками и вынуждены думать не о производстве, а лишь об угрозе налета налоговой инспекции. Так все и происходит у нас в стране: государство садит предпринимателей за решетку, а предприниматели борются с государством за создание отечественной экономики. И тем не менее посмотрите, за 16 лет новой жизни в стране не построено ни одной новой ГЭС, не закончено ни одной федеральной дороги, не построено ни одного самолетостроительного завода или любого другого крупного, о котором стоило бы говорить, промышленного объекта. Не создано ни одного нового города или нового научного центра. Не открыто ни одной новой производственной отрасли. Кроме нефтяной области и банковской сферы, нет развития ни в чем абсолютно. Наука в заоне, образование в заоне, промышленность отсутствует, высоких, обещанных западом технологий нам так никто и не дал, свое тоже мы все растранижирили, и последняя наша гордость, космонавтика, и та дышит на ладан – и рядом невероятными темпами развивающийся азиатский юго-восток с городами-сказками, с самыми современными технологиями, с красавцами заводами, до которых нам не дожить, и лица счастливых людей! От бессилия и боли за свою страну просто хочется плакать.

Но это я увлекся. Литератор все же таки...

Уважаемый господин Председатель, обращаюсь к Вам за помощью. В данном случае как предприниматель...

Основное мое предприятие <...> в г. Н., занимающееся производством быто-

вых изделий. Наш сайт<...>. Очень большое предприятие по сравнению с гигантами сырьевой отрасли, с небольшим оборотом, с небольшим доходом, с небольшим производством. Но тем не менее мы для своих потребностей налаживаем производство алюминиевых профилей, создав для этого оригинальное оборудование, соотносимое с огромными промышленными гигантами, но малогабаритное и менее энергоемкое, для чего произвели существенные конструкторские изыскания, используя для этого высокой квалификации работника, бывшего главного конструктора завода «Тяжстанкогидропресс», завода в свою очередь тоже бывшего главным предприятием за Уралом по производству прессов, имевшего при социализме всесоюзную известность. Флагман тяжелой индустрии, который сейчас, как зеркало всей нашей промышленности, перестав производить прессы и вообще какие-либо серьезные станки, льет для «поддержания штанов» слитки твердых сплавов и отправляет их во Францию. Заказов нет, наука отсутствует, завод в стагнации, высокой квалификации работников не осталось, да и вообще рабочих стало в десять раз меньше. В то время, кстати, как в Китае делается и запускается уже через год-другой «Город прессов», в котором гидравлических, изотавляющих алюминиевый профиль прессов будет около двухсот. Столько нет у нас в стране по всем заводам. Весь мир, занятый алюминиевыми профилями, уже вздрагивает от мыслей о предстоящей конкуренции. Только нашим правителям все нипочем.

Малогабаритный пресс – это была мечта юности конструктора, сейчас преобладающего уже на пенсии, и мы ее воплощаем. Оригинальная идея, оригинальное исполнение, таких прессов вообще не делалось, осуществляем мы это на собственные скромные средства, но с энтузиазмом, поскольку это изобретение. Поскольку это вызывает интерес, хотя бы чисто творческого характера. Вниманием должностных лиц и высших государственных чиновников мы не избалованы, да это и хорошо, иначе бы те давно погубили бы, как всю науку и промышленность в стране, и нашу маленькую идею на корню.

Так вот, барахтаемся мы со своим малым изобретением и своим немасштаб-

ным, по сравнению, конечно же, с грандиозными государственными планами, делом, и казалось бы, не обращай уж тогда совсем государство внимания на нас. Занимайся своим грандиозным. По крайней мере, разговорами о грандиозном. Но ведь нет, чиновники государства именно нами и занимаются, именно нам, таким как мы, и ставят палки в колеса, нас контролируют, нас нагружают всякими требованиями и обязанностью получать разрешения и лицензии. Скажите, им больше нечем заняться, кроме того, чтобы мелкий и средний бизнес душить? Зачем, например, нас обязали получать лицензию на сбор, переработку и реализацию лома цветных металлов, в то время как мы не занимаемся утилизацией лома, а покупаем лом алюминия для своих нужд, связанных с литьем слитков и прессованием из них алюминиевых профилей, у предприятий, собирающих лом и уже имеющих эту лицензию? Прежде мы получали от Лицензионной палаты разрешающие письма. Но в новом постановлении Вашего правительства от 14.12.2006 года «О лицензировании деятельности по заготовке, переработке и реализации лома цветных металлов» подобных разъяснений не прописано, и наш городской департамент развития промышленности и предпринимательства получать лицензию обязывает. Мы не единственные в стране, покупающие лом у принимающих организаций, ответьте, зачем нам, производителям, лишние хлопоты, зачем трата лишних денег, причем немалых, на ненужное нам оборудование, положенное для предприятий, занимающихся приемом лома и имеющих подобную лицензию, трата времени на обивание порогов у бюрократов, зачем опять новая лазейка для выжимания взяток, зачем нам опять жить под страхом прихода очередной инспекции и закрытия производства, а то и обвинения в незаконной предпринимательской деятельности? Для чего такое постоянно делается у нас в стране?

Имея личную заинтересованность, обращаюсь к Вам и надеюсь на Вашу помощь, Михаил Ефимович. Копии переписки с Лицензионной палатой и с департаментом по развитию промышленности и предпринимательства прилагаю.

С уважением и пожеланиями всего доброго лично Вам как председателю родного правительства,

А. Михеев, литератор-предприниматель.

Надо ли говорить, что из аппарата правительства 14.06.2007 письмо «в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» благополучно переправлено опять в департамент развития промышленности и предпринимательства нашего города, а оттуда со ссылкой на то, что вышеуказанное положение было принято «с целью приведения в соответствие с федеральным законодательством», поступил очередной ответ о необходимости получать лицензию на ненужную и постороннюю предпринимательскую деятельность. И в добавление еще и был дан совет не отвлекать правительство от работы.

После чего уже безотлагательно пришлось искать способ получения данной лицензии, которая в нашем городе стоит очень дорого в связи с тем, что, по непроверенным, подчеркиваю это, причем для самосохранения я и не проверял, и не собираюсь проверять и даже готов посчитать это вымыслом и наговорами, по непроверенным данным, сбор цветного металла контролирует один из членов семьи отцов города. Но тем не менее через связи и нужные знакомства, — а я все-таки в прошлом литератор, — нашел способ получить лицензию за взятку всего лишь стоящую размера месячного фонда заработной платы нашего предприятия. Много? Если брать все в сравнении, то по-Божески...

Скажу больше. Для изготовления наших бытовых потребительских изделий мы используем еще и полипропиленовые комплектующие. И вот наши московские партнеры, знакомые по московским ярмаркам, с которыми мы ничего не делим, и им не надо было скрытничать и что-то напрасно говорить, как-то приезжали в наш город и заглядывали кстати к нам. Молодые ребята, с задором, с честолюбивыми устремлениями. Приезжали к моему исполнительному директору. У них там своя тусовка на московских ярмарках складывается, одного направления производители встречаются, вместе пьют, рассказывают байки и новости о своем производстве, в разумных пределах конечно, друг друга подначивают, задирают, пугают конкуренцией, но держатся все же одной семьей. Их не так уж много в стране, производителей нашей

продукции, как не враждуй и не конкурируй, все равно тянет близких производителей друг к другу. Так вот, они рассказали, что собрались они поучаствовать в открытии производства полипропилена. Ведь нефтедобывающая страна, а покупаем полипропилен за рубежом, своего не хватает, мало перерабатывающих предприятий. По пальцам пересчитать, а спрос на полипропилен сумасшедший. Начали прорабатывать идею, вышли на правительство, и оказалось... представляете, вот и помощь экономике-то... что в этом будет им отказано. Не по зубам. Оказалось, что в правительстве есть человек, советник президента или член правительства — кто именно я на свое счастье забыл и восстанавливать фамилию, конечно же, опять не буду ни при каких обстоятельствах, — который держит под контролем (чувствуете термин?) это производство в стране, эти несколько предприятий, с этого «имеет», и лишних предприятий их группе не требуется. До наших партнеров было доведено, дано было им понять, что лучше не трогать эту тему, и они поняли это шестым чувством, всей своей кожей, это чувствуется безусловно, что им объяснили: если они хотят жить. Да вот, читатель, именно таким образом, до такой степени. Если хочешь жить. Такая обстановка существовала и существует. Ничего не ушло в прошлое. Вы думаете, кто-то положил конец налетам 90-х годов, рейдерским захватам предприятий или отстрелу неугодных директоров? Да просто об этом перестали сообщать по телевизору. И конечно же, наши знакомые предприниматели спрятались в свою норку. Вот и задумайся после такого о разглагольствованиях правителей по поводу преуспевания и развития страны, помощи малому и среднему бизнесу...

Уважаемый, смотрящий бравые отчеты наших деятелей по телевидению читатель. Я не буду настаивать на достоверности вышесказанного. Я от этого всегда откажусь. Ради выживания своего производства. У меня ведь все-таки художественное произведение, и тут всегда можно спрятаться за вымысел, за преувеличение. Я откажусь от факта, но не от обобщения. Это не преувеличение. Так было и так есть. При всей красивой вывеске и говорильне у нас продолжает оставаться государство бандинским, каким оно сложилось двадцать лет назад. И когда вы смотрите на достаточно милые и благообразные лица наших правителей, собирающихся на заседания, —

представить только, ведь на самом верху, в Кремле! Ох, не успокаивайтесь, не покупайтесь, не обманывайтесь их благообразием. Каким-то из этих лиц, и ты никогда не знаешь и не узнаешь, как это произойдет, ты можешь просто-напросто быть заказан. Жизнь человеческая в стране не стоит ничего. Вернее, тут я не совсем прав, стоит. Но знаете, стоит какую малость? Знаете, как мало мы все стоим, попробуй перейти кому-то дорогу, какие-нибудь там несколько тысяч долларов, и все. Страшнее, чем было при социализме, во сто крат. Не жил во времена репрессий. Но я думаю, обстановка не лучше...

И что может в этих обстоятельствах наша экономика дать?..

Я даже откликнулся однажды на призыв газеты «Комсомольская правда», в которой открылась рубрика «Можно ли стать богатым в нашей стране честно?», и газета обратилась к читателям с этим вопросом, я всегда на такие вещи попадаюсь, профессия такая, хлебом не корми – дай поговорить. Хотя и понимаю всегда, что это из пустого в порожнее...

13.05.2008

Как заработать большие деньги в России?

Уважаемая редакция!

Охотно откликаюсь на ваш призыв поделиться с «Комсомолкой» секретами, как честно заработать большие деньги и стать богатым в России. Все условно, и понятие богатый человек, конечно, очень растяжимо. Богат и предприниматель Березовский, и, судя по вашим опросам населения, считается, что богатыми являются и актеры кино, и массажисты, и топ-менеджеры, и даже строители. Я, не будучи Березовским, но являясь все же предпринимателем, во всеуслышание старался себя богатым называть еще в очерках «Записки мелкого предпринимателя», в которых описывал всего лишь свои первые шаги на этом поприще и которые печатал в журнале «Новый мир» в далеких 1996 и 1997 годах. Позже я настаивал на этом, публикуя свои «коммерческие опыты» еще и в журнале «Континент», а в 2005 году издал даже книгу «Фабрика миллионеров», одно название которой уже само по себе говорит как бы о моем статусе. Так что согласимся все же с допущением, что я отношусь к

людям богатым, имеющим доход намного больше прожиточного минимума. Но поскольку я не только предприниматель, создатель нескольких доходных предприятий по производству товаров народного потребления, товаров совершенно не гуманитарного, а чисто бытового, потребительского плана, но я еще и гуманитарий, писатель, прозаик, продолжающий писать и печатать романы на постороннюю коммерческой области тему, и поскольку я и до своего предпринимательства тоже был литератором и это свое занятие продолжаю считать в своей жизни основным, более для меня интересным, вследствие всего этого я и в коммерческой сфере и в кругу богатых людей являюсь человеком тоже двуличным, не до конца искренним коммерсантом, не до конца искренним богатым, человеком как бы посторонним этой деловой сфере, человеком с подвохом, удобным, кстати, для небогатой части населения, таким для них партизаном, шпионом, лазутчиком в тылу врага, не до конца растворившимся в соответствующей новому моему статусу среде, умудряющимся что-то в ней еще замечать, подмечать, подглядывать, запоминать, записывать, а потом доводить информацию до кого следует. То есть до своих читателей. В общем, такой сексот, нехороший человек, путающийся у правильных людей под ногами и мешающий своей рефлексией им быть до конца непосредственными и искренними. К тому же я еще и честный коммерсант (такой оксюморон!), что уже вообще ни в какие ворота не лезет. По крайней мере, коммерсант, старающийся быть честным и не взявший за данность то, что залогом получения миллионов обязательно должны являться нечестность и воровство. Я вообще с самого начала своей коммерческой деятельности задался мыслью о некоем эксперименте: стать миллионером честно!.. Это было для меня более увлекательным занятием, чем просто деланье бабок.

Так вот я вынужден заявить, отталкиваясь от собственного опыта, опыта так сказать, честного коммерсанта, начавшего деланье денег не с приворовывания сырьевых отраслей и использования партийных связей, которых у меня никогда и не было, не с рэкетирства и бандитского разбоя на большой дороге или захвата предприятий путем искусственных банкротств и убийств прежних директо-

ров, а с честного создания собственного предприятия по производству нужных людям товаров, то есть с того, о чем уже двадцать лет продолжают болтать наши власти как о залоге подъема всей нашей экономики, называя это созданием отечественного малого и среднего бизнеса. Так вот, я вынужден со всей ответственностью заявить, что в нашей стране никакого малого, среднего, я уж не говорю про крупный – который весь насквозь криминальный – бизнеса честно создать нельзя, в этом население страны право на сто процентов, а стать честно миллионером просто по определению невозможно.

А. Михеев, коммерсант-литератор.

Ну и чтобы уж до конца довысказать обиды...

Мне ни разу за мое существование коммерсантом власти не оказали помощь – которую как бы президенты демонстративно расшвыривают нашему брату по всей стране, всегда, сколько я ни обращался в нужные фонды, для меня денег уже не хватало, лимиты были исчерпаны. Почему-то их никогда нет, даже когда приходишь еще в феврале, почему так происходит, не знаю. Но уже на весь год они к февралю выбраны! И не хватает их не одному мне. Это характерно. Чтобы получить помощь, надо опять же с кем-то делиться или иметь свою руку. Правительство помогает оплачивать многомиллиардные долги банков, как бы спасая их деньгами от банкротств, которые сразу угоняются банками на запад, а по десять обещанных тысяч долларов малому бизнесу все как-то не в силах дать. Наш малый и средний бизнес никого не интересует. Я вот лично правительству и президенту совершенно не интересен.

Для нас никогда не было помощи, даже в самый сумасбродный вольный период перемен в 1992 года. Не то что свободы, даже равноправия для нас никогда не существовало, всегда кто-то близкий к номенклатуре, к бандитам, к должностям оказывался правее нас, оказывался в более выигрышном положении. Я помню. Скажем, помощь оказывалась евреям государством Израиль. В то начало девяностых, когда на свое «дело» абсолютно нигде было денег взять, их не было ни у кого, а банки кредит давали только под обоснованные бизнес-планы, под очевидное доказательство выгоды и детали твоей затеи, что значит – поделись своей идеей и коммерческой тай-

ной с ними, в то самое время разные израильские фонды начинающим предпринимателям-евреям в нашей стране давали кредиты очень легко и охотно. Какие-то израильские фонды оказывали своим людям продуктивную помощь, потому что было голодное время, какие-то продуктовые пайки и посылки, и в то же время свободно давали евреям, начинающим свое дело, деньги на развитие. Ни у кого не было денег, они были только у них. Вот, и подумать после этого, сколько ж нужно иметь в себе самообладания, чтобы не стать антисемитом! Нам же, оставшимся, наше государство не давало ничего. Все это я помню. Эти мелочи нигде не обсуждаются. Идет только великое обсуждение новых экономических реформ, доктрин, которые опять исключают содержание. То есть нас. Производителей. Тех, для которых эти доктрины и пишутся. Только о тех, кто участвует в этих доктринах исполнителями, никто не думает...

Так что слово предприниматель давно опошлено. Замарано. Запачкано. Точно как и слово бизнесмен. До смешного, потому что особенно любят себя называть бизнесменами наши бывшие бандиты. Награбят, наворуют, сколотят себе убийствами хорошую сумму денег, ничего не понимая ни в торговле, ни в производстве, откроют свое ООО, сядут в офисе, напялят на себя костюм, а еще и золотую цепь... И: «Я бизнесмен!»...

Кстати сказать, в это как-то сразу верится. Потому что бизнес это есть то, что вокруг происходит и что этот бандит своим видом символизирует. Все правильно. Эти два слова, предприниматель и бизнесмен, и еще слово «понятия», по которым они и живут, это и есть сфера нашего бизнеса, нашего предпринимательства. Я же просто труженик, пусть я тоже эксплуататор, но я трудящийся, я производжу товары для удовлетворения народных нужд, я промышленник. Я производственник.

Опасения

Может возникнуть у читателя вопрос, а не рискую ли я своим делом, вот так вот выставляясь на обозрение, выделяясь, рассылая письма в разные инстанции и тиска в печать свои двусмысленные произведения. Не берут ли меня под наблюдение, не насылают ли кого, не страшат, не расплачиваюсь ли я за содеянное? Ведь я

не журналист, которому нечего терять, кроме места работы (про жизнь я не говорю, тут мы все в стране равны и ученые, и директора заводов, и предприниматели, и писатели, и простые читатели, и с тем, что она ни у кого ничего не стоит, надо уже свыкнуться и угрозу ей не брать в расчет, по крайней мере, не учитывать как аргумент в полемике), к тому же журналиста после увольнения могут взять на работу в другом издании, в другой газете, а преследования ему даже иногда идут на пользу, создают нужный имидж, но ведь я-то собственник! Я рискую потерять годами «нажитое», созданное огромным трудом (тут я даже соглашусь без рассуждений, что, кроме удачи, у всех что-то создавших в их детище обязательно вложен еще неимоверный, стоящий здоровья, нервов, разнообразных жертв, напряженнейших стрессовых лет огромный труд)? И не угрожают ли мне, не намекают, что сидел бы лучше и не высовывался, где ни попадя, не зарывался излишне?

Честно скажу, не угрожают и не преследуют. На это надо смотреть трезво и не переоценивать свои подвиги. Ведь все, что я ни делаю, это только моська лаает на слона, это как будто я слегка тычу длинной палкой медведю в брюхо, напрашиваясь на реакцию, а неповоротливый медведь, этакая махина-государство, лениво не то что не отмахивается, но даже и глазом не косит, и, скажем, когда я посылаю Владимиру Путину одну из своих книжек с критикой нашей, вернее его, государственной машины, еще и с задиристым нравоучением-посвящением, то дожидаюсь этим лишь ответа не из ФСБ, а из секретариата Президента от какого-нибудь мелкого клерка, в котором он отписывает, что книга моя благополучно получена и благополучно присоединена к президентской библиотеке. Обращать особое внимание на наши волны правителям нет смысла, мы для них никто, мы никак не влияем на ситуацию. Я еще раз хочу подчеркнуть, мы, малые и средние величины, хотя и являемся движущей силой и костяком страны, абсолютно никому не заметны и власти не интересны.

И в то же время ничто не остается безответным!.. Ничего не проходит бесследно. И реакция все равно имеет место быть. И именно такая, какой и опасаться, и о какой читатель догадывается. Ты все равно расплавиваешься за содеянное...

Например, я долго тешил себя мыслью, что мои опусы остаются незамеченными, например, называл описанное мною в одном из прошлых текстов посещение СИЗО в качестве подследственного случайностью, абсолютно не связанной с моей публикацией очерков «Записки мелкого предпринимателя» в 1996 году, таким веянием времени для предпринимателей. После публикации я долгое время трусливо ждал, что что-то будет, что мне прекроют кислород в моем предприятии и как-то пресекут мое неподобающее поведение. Прихлопнуть мелкого предпринимателя ведь очень легко, он весь как на ладони, он не в бегах по стране, у него есть привязка, цех, производство, ведь мне и откупиться нечем, мы в разных весовых категориях с ними, поэтому я долгое время дрожал и ждал каких-то налоговых наездов, проверок, каких-то «подстав», сто раз себе говоря, что не надо бы дразнить зверя и чего вечно лезть на рожон, удовлетворение от ощущения себя героем совершенно не перевешивает риски, связанные с будущностью моей семьи и детей, да и себя самого любимого. Пусть даже твой героизм и окрашен благородным стремлением к истине и является последним, за счет чего ты все же продолжаешь выполнять данное в свое время, в самом начале своей коммерческой деятельности, себе обещание не привязываться к собственности и деньгам слишком сильно. Ждал, ждал, потом даже забыл о своей тревоге, поскольку прошло четыре года – реакция у этого толстокожего чудища-государства очень замедленная – и уже решил, что можно успокоиться, обо мне забыли, мои откровения о неуплате налогов и призывы к воровству, опрометчиво упомянутые в очерке, не были никем из органов услышаны, замечены, и угроза канула в воду, и то, что меня вызвали в прокуратуру четырьмя годами позже, я совсем не связал с теми публикациями. Ведь свобода слова, демократия... Даже когда определенное время, очень небольшое правда, в тюремной камере посидел, и то не связал это с прошлым, совершенно о другом думал, другие причины искал, абсурдность государственной системы исследовал. Безадресность ее, безличность, конвейерную по Кафке механистичность. И только уже много позже, еще года через три, когда меня вызвали в прокуратуру повторно, чтобы возобновить мои показания о забытом уже мной «криминальном» эпизоде, в котором я на этот раз уже фигу-

рировал только как свидетель, я по почерку и по тем же допрашивающим людям и по тому, что вызов следовал опять за очередной моей ненужной публикацией, причем в совершенно незаметном издании, в провинции, в глуши, понял все же, что все взаимосвязано, и ничего незамеченным не остается, даже самый мелкий пустяк, что бы ты ни делал и где бы ни был, все срабатывает, ничто не забывается, и не существует никакой безадресности и безличности.

И в этот второй вызов для меня уже было яснее ясного, что нет тут места абсурду, что обо мне помнят! И знают! И советуют, делятся таким путем своими соображениями... Все сопоставилось у меня, всплыло в сознании, и даже то, что старший следователь, оказалось, читал мой журнал с этим забытым мной уже очерком, тоже вдруг всплыло на поверхность. Я тогда, в первый вызов, сознательно назвал писателем в попытке расположить следователей к себе, полагая, что это сможет мне как-то помочь выпутаться из двусмысленной ситуации, возвыситься над меркантильностью какого-то там спекулятивного, связанного с преступными намерениями дела, надеясь, что на меня взглянут с большим уважением и снисхождением, и подарил им экземпляр журнала, на что старший следователь сразу сказал:

– Да я его читал.

– Как? – удивился я не без честолюбивого тщеславного волнения.

– Был в командировке и случайно прочел.

Ну, знаете, чтобы следователь читал что-то без спецздания. Да еще в командировке, да еще в то время, когда книг вообще никто в руки не брал, тем более следователь, и не из несуществующего уже идеологического отдела, а просто следак по борьбе с экономическими преступлениями, а журнал, в котором тогда печатался очерк, выходил тиражом тысяч пять экземпляров. Это совсем не те два миллиона в «перестройку», в новое упадочное время литературные журналы ни в одной гостинице уже не валялись и под руку не попадались, не подворачивались, да и дорого стоили, их нельзя было кстати обрести. Но в тот-то момент я ничего и не понимал. Тщеславие все затмило, думаешь ведь всегда прежде о том, что ты талант, трибун, народ-то тебя читает. Даже, вон, следки читают. Пусть даже один следак. И совсем не предполагаешь ведь, что он не читает, он – работает. И что моя трехдневная тюрь-

ма и была как раз, пусть припозднившись, но адресная реакция.

И вспомнилось сразу еще и то, что и рабочий следователь, который в первый раз вел мое дело, приглашенный для повременной работы пенсионер, старый следователь – ОБХССник, оттуда, из советской эпохи, у которого мой покойный отец, которого я упоминал уже в предыдущих очерках, сибирский советский писатель приключенческой литературы, создавая очередной детективный роман «Запах «Шипра», консультировался по поводу нашумевшего тогда у нас в городе уголовного дела. Так вот, этот старый следователь тоже между делом и в порядке ответа на подаренный им журнал обмолвился, что был знаком с моим отцом, и что он отца консультировал и представлял для чтения нужные материалы. Вспомнил, так сказать, лучшие времена. И я опять на это по тупости не обратил особого внимания. На совпадение. Ну, консультировал автора, все случается, хорошо... И только во второй мой вызов меня осенило, что и это тоже было неспроста, такое совпадение, и мгновенно понял, представил явственно, как было интересно следакам, или еще кому-то там в другом кабинете, поработать с сыном честного советского писателя, писателя не коммуниста, но вполне правого и воспитанного на уважении к государственной собственности, отстаивающего законность и осуждающего подлоги документов (чем теперь его сын, как большинство коммерсантов в стране, по определению и занимался, для пенсионеров, для людей старого закала коммерция эта была вообще вся преступность и подлог, и не без основания в чем-то, кстати), и столкнуть память об известном уважаемом человеке с вырожденческим мировоззрением махинатора-сына. Это ведь для них, для органов, целый роман, эпопея, захватывающие сравнительные жизнеописания, анализ разных судеб и судьбоносных дорог страны, они же там все философы и социологи, Плутархи, Дюма и Конан-Дойли, как только поставлю себя на их место, просто жутко интересно становится.

Друзья, я неверно выразился, что мы государству неинтересны, мы им неинтересны на государственном уровне, но как электротат мы для них любопытны крайне. Просто конфетки, находки, маленькие любопытные винтики в их системе. Ведь это же то народонаселение, которым они живут, с которого кормятся, и каждый из нас

– как отдельная поэма, всегда под присмотром, под разглядыванием, под недремлющим оком. У них там, в их учреждениях, – а у нас сейчас во внутренних органах работают два миллиона человек, это в два раза больше, чем во всех наших вооруженных силах, и по одному человеку на каждые семьдесят человек в стране, так что силы имеются, – у них там пишется, плетется, составляется, шьется гигантская книга наших жизней с отдельной страницей для каждого. В их папках с фамилиями каждого индивидуума страны хранятся наши жизни. И интересные, видимо, эти папки, много дал бы, чтобы заглянуть хоть в свою... Там целые захватывающие произведения, истории, романтические документы, наши родственники, наши жены, наши дети, места работы, биографические сведения! Интереснейшая литература! Вся система работает, вся информация о нас где-то у них аккумулируется, несмотря на ликвидацию как бы КГБ, все сберегается, все сохраняется и учитывается. Так что передаю вам привет, ребята! Вам там, не знаю, как вас назвать, работникам органов, из нового своего очередного опуса. Я делаю вам ручкой, мы с вами соавторы, мы с вами вместе создаем, чтобы не забывалась, историю жизни каждого из нас, каждого себя. Каждого простого человека, простого спекулянта, простого инженера, простого рабочего и служащего, канву, документальную основу всей страны. Эпоха! Входим таким образом в народную память и в вечность, пока не сгорит или не истелет в ваших сейфах бумага. Не писатели, не художники, не люди искусства и культуры, не люди, мелькающие на телевидении, простые читатели, просто зрители входят в историю в одностороннем порядке – описанные только вами, их жизни хранятся у вас, вами же составленные. А мы, те, кто умеет писать или говорить, еще и как-то полемизируем с вашими папками своими собственными трудами, своими текстами. Поэтому я понимаю вас отлично, ведь как может быть интересно подобное разночтение, разность мнений и истолкований от разных источников. Вызвать и понаблюдать. Вызвать такого по совершенно постороннему поводу, как бы за какое-то определенное криминальное, высосанное из пальца нарушение, и смотреть на него, считающего, что о нем тут ничего не известно, что он первый раз в их сферах возник, и о нем тут никто и не слыхивал, и разговаривать с ним, видеть его уловки, его

оправдания, наивные хитрости, ужимки, лживые объяснения и толкования своей жизни, не подавая даже вида, что они видят его насквозь и знают о нем больше, чем он сам о себе даже помнит, и ведь так и отпустить его, не поведая ему, зачем вызывали, и о том, что каждый шаг его жизни у них запротоколирован. И уйдет этот наивный, облегченно вздохнув, полагая, что со всем этим казусом распрощался, что это случайный эпизод ушел в прошлое, и он опять неуловимо свободен на огромных просторах своей родины. Святая простота! Государство мое, я тебя люблю! За такое пристальное внимание, которое ты ко мне проявляешь. Сразу чувствуется, что все мы – твои дети...

Кстати, не удивился я и год назад тому, что после моих писем в разные «инстанции» на нас «наехала» с выездной проверкой налоговая инспекция и оштрафовала еще на два наших фонда заработной платы. И даже в связи с большим размером штрафа опять уголовное дело было заведено, автоматическое закрытие, правда, потом в связи с истечением срока давности эпизода преступления. Понял опять, откуда что идет, хотя на первый взгляд все выглядело натурально и естественно.

Эксплуататор-производственный

Ну, а теперь вернусь к основной своей задаче: что я там в этом мире богатых еще подсмотрел. Чего нового накопал из того, чем стоило бы поделиться...

С тех пор, как я напечатал свои бравые очерки о начале своей коммерческой жизни, прошло уже почти пятнадцать лет. И прошло уже почти двадцать с тех пор, как, повинаясь постановлению нового капиталистического правительства, пришедшего на смену коммунистическому, сам начал плавать с море разрешенного отечественного бизнеса. Много прошло и с той поры, как я издал «Фабрику миллионеров», в которой попытался рассказать об интересных изменениях в психологии и сознании людей нашей страны, если смотреть на этих людей как бы со стороны, не особенно увлекаясь новыми экономическими теориями, очень много лет прошло со времен общего обогащения и поголовного обнищания, за этот период даже выросло новое поколение, проникнутое особым менталитетом, какой, для сравнения сказать, бытовал, наверное, в Италии в ее послевоенные мафиозные годы, воспринима-

ющее окружающую жизнь с ее законами-понятиями уже как данность, как норму, и то, что перед деньгами ничто не устоит, да это и не нужно, все зависит лишь от размера суммы, как обыденность. Все бандитское ушло наверх, завоевало весь верхний эшелон властных структур в стране и там рассосалось, и мы вошли в фазу, когда правящая элита, похоронившая в девяностые все советские заводы, советскую технологию, советскую науку и культуру, советский военно-промышленный комплекс, да и всю экономику вместе взятую, сделал себе к теперешнему дню своей кормушкой исключительно сырьевые отрасли и ручных сырьевых олигархов, в данное время готовится, со вступлением страны в ВТО, уничтожить и те малости, какие еще по недосмотру остались от прошлого, случайно все же понавозникавшие в стране в смутные неуправляемые девяностые и не до конца похороненные в двухтысячных годах малости в виде малого и среднего бизнеса. Видимо, все для того, чтобы уж полностью освободить страну для импорта... Элита, будучи уже вся целиком «западниками», ополчилась заодно и на все отечественные проявления национальной мысли, инициативы и предприимчивости, полностью задавила все исконно русское и так называемых оставшихся «патриотов» в своей безоглядной ориентации на штатовскую экономику и международный финансовый фонд, рекомендациям и схеме развития от которых она, как бы ни оправдывалась, всегда следовала неукоснительно. Делая страну к внешнему миру простым сырьевым источником.

Был у нас в стране генерал Константин Павлович Петров. Ему и его сподвижниками удалось создать в девяностые годы общественное движение «К Богодержавию», потом преобразовавшееся еще и в партию «Единение», официально просуществовавшую семь лет, под флагом которой генерал Петров пытался баллотироваться и в мэры города Новосибирска, где набрал, кстати, после года предвыборной работы 7% голосов электората, потом, кажется, в мэры Перьми и еще потом в мэры Петербурга... Эта партия имела свою доктрину выхода из глобального кризиса, начавшегося еще давно, во второй половине XX века, под названием «Концепция общественной безопасности» и ответы на все возникающие в обществе вопросы, на которые ответов ни у кого не было, ответы обоснованные, подкрепленные едва ли не

сотней книг, напечатанными ею и составляющими практически библиотеку, в которых прорабатывались, по сути, все области жизни абсолютно, включая философию, политэкономии, финансы, политику, культуру, теорию управления, историю, психологию, социологию, педагогику, семейную жизнь, обобщение и анализ мировых идеологий и религий, вероучений, священных писаний, разработку методологии познания и вообще принципов жизни в русле «К Богодержавию». Целая библиотека! Вся осмысленная человеческая история. Серьезная, уважаемая группа людей – генерал Петров был, например, генералом космических сил СССР, зам. начальника космодрома Байконур, участником разработки и испытаний космической системы «Буран-Энергия» – потратила на разработку доктрины несколько десятилетий. Создала концепцию, воплощения которой нам так не достает и до настоящего дня.

В 1995 году в Государственной думе Петровым были произведены даже чтения «Концепции общественной безопасности», мысли из нее потом, не ссылаясь на источник, использовали для произведения впечатления на несведущее население и приобретения популярности многие наши политдеятели, но полностью, целостно доклад не был напечатан в массовой прессе никогда, и ссылок на партию и ее доктрину ни политиками, ни средствами массовой информации никогда не делалось. Потому что в нем шла речь о глобальных вещах, о полном переосмыслении жизни на земле, о новой точке зрения на человеческое общество, о новой форме войн, введущихся в мире, в частности об информационной войне, которую наша страна проиграла в восьмидесятых годах, и может быть, еще и поэтому доктрина эта не получила у нас в стране широкого распространения, как ненужная в этой информационной войне победителям. И еще потому, что речь в ней идет о так называемой «закулисе», глобальном неофициальном и себя не афиширующем мировом правительстве, упоминание о котором в печати всего мира тоже считается плохим тоном. Почему-то так повелось, что могут серьезно рассматриваться всякие завиральные идеи о летающих тарелках, инопланетянах, экстрасенсах, ведьмаках, Армагеддоне, о фантастических и унесенных им с собой в могилу изобретениях Теслы, даже о лоббировании и создании препятствий нефтяными монополиями на пути изучения двигателей, не ис-

пользующих ископаемого топлива, или вообще бестопливных двигателей из разряда вечных, двигателей, использующих фактор искривления пространства, все это может серьезно рассматриваться, о машинах времени можно говорить, а вот говорить о мировой «закулисе», о невидимом теневом мировом правительстве, осуществляющем, по мнению многих исследователей, руководство миром в течение, можно сказать, тысячелетий, о сверхправительстве, формирующем состав правительств большинства стран, влияющем на их внутреннюю политику, развязывающем в своих интересах и в нужное ему время войну и в нужное время их заканчивающем, проводящем диверсии против неугодных государств, изоляцию, агрессию, продвигающим принцип «разделяй и властвуй» — об этом говорить считается глупо и неприлично.

Это единственная партия, которая содержала в себе интригу, давала место невероятному в жизни, открывала перспективу, предусматривала пересмотр всего отношения к скомпрометировавшей себя уже экологическим и экономическим кризисом цивилизации, содержала призыв к переосмыслению привычного положения вещей, что для нас, выросших в стране, отдавшей несколько десятков лет прожектерской идее превращения «золота в нужники» (В. И. Ленин), было интересно и близко. В этом движении даже подкупала анонимная множественность авторов, взявшихся в противовес анонимности «закулисы», не афишируя себя, своим трудом помочь родине, да и всем думающим людям земли, — дать информацию, объяснить истинное положение вещей, не затуманенное ритуальным обывательским мнением так называемых простых людей и домохозяек. Очень интересная партия, за ними хотелось идти.

Сейчас генерала Петрова уже нет. После баллотирования в губернаторы Санкт-Петербурга, после проигрыша, каким-то таинственным образом крепкий, далеко не старый, показательно ведущий трезвый здоровый образ жизни человек истаял и умер. Сдается, эта смерть не очень естественная. Движение не прекратилось, но партию закрыли, сайт поменялся. Что, правда, еще больше усилило интерес к яркой личности этого мощного и энергичного человека и ко столько лет возглавляемому им движению. Ведь кроме него о движении и о существовании «Концепции об-

щественной безопасности» больше чем два десятка лет не сказано было наверху никем. Говорили о всяких Чумаках, о Ходорковских правду откапывали, компромат на Путина мог издать Немцов, об убийстве оппозиционных журналистов говорить будут всюду и носиться с ними много лет не забывая, а вот о целой партии и целой библиотеке работ и исследований — ничего. А ведь это не какая-нибудь партия любителей пива, которая у всех на слуху. О «Единении» знают единицы. Очень интригующая история. Это лишний раз подтверждает обоснованность вывода их теоретиков, что средства массовой информации в нашей стране работают, к сожалению, не на нашу сторону.

Погружаясь же в изобилие их томов, приходишь к пониманию, что это единственные люди, которые занимались делом честно, последовательно, скрупулезно, важнейшим и насущнейшим, и начинаешь стесняться своей жизни, понимая, что все, что ты ни делал в жизни — пустяки.

Так вот, в этой доктрине сказано, что правители всех стран уже давно не вольны в своем правлении, они вынуждены действовать так, как требуется закулисной мировой правительству. И какую бы борьбу ни вело региональное правительство с этой «закулисой», оно практически всегда, за редким исключением, вынуждено сдаваться. Способов и инструментов воздействия на региональные правительства у этой «закулисы» множество: и дезинформация, и провокации, и как бы случайные утечки «тайных» сведений, компромат, подкупы, угрозы, диверсии, холодные и горячие войны, тайные общества, секты, вероучения и, конечно же, деньги. Не вольно в своем правлении и наше правительство. Так что с него нечего взять, бесполезно и упрекать за криминал, взяточничество, за коллаборационизм и полную несостоятельность в вопросах управления. Даже если бы они хотели, в разрезе той модели, которой они придерживаются в развитии нашей страны, они ничего не смогли бы для нас сделать. Мало того, закулисой принимаются такие меры и такие сложные ходы в осуществлении своих планов, что региональные правители зачастую даже убеждены в том, что это их планы, и что именно они принимают взвешенные, осознанные и единственно правильные решения.

В то время как для народа и страны все

эти решения приносят только вред и разорение.

Поэтому-то и сложилось в народе впечатление, что в государственном аппарате у нас без исключения только враги, предатели, криминал и пятая колонна, люди целенаправленно борющиеся за разорение. Причем мы все это видим, видим, что принимаются законы в основном только вредящие становлению отечественной экономики, но изменить ничего не можем. Правители сами порой называют свои законы то слабодействующими, то коррупционно-емкими, но тем не менее принимают их и продавливают, с выражением неизбежности и бессилия на лице. И ждать от них другого бессмысленно.

Не только наша, а любая страна как государство ширилась и крепчала, становилась резкий скачок вперед, а в правительстве исповедовались патриотические и здоровые, понятные людям идеи только в тех случаях, когда во главу угла в государстве не ставились деньги. Редкие моменты в истории, когда в ходу были патриотизм, спасение страны, подъем производства, выход из депрессии. И любопытно, что при деспотичных личностях типа Ивана Грозного или Сталина, или какого-нибудь Мао Цзе-дуна, и вообще при диктатурах, можно было существовать и экспериментировать с народом в другом пространстве, проповедовать какую-то особую идеологию, нравственность, развивать автаркию, самодостаточность, можно даже было вывести государство в передовые страны и совершить экономический скачок, но когда приходили к власти либералы и начинались исповедоваться как бы общечеловеческие ценности, во главу угла становился только один универсальный закон: золото. После чего страна откатывалась в своем могуществе назад, подчинялась мировому правительству и становилась для него просто донором, отдающим свою кровь в виде сырья, интеллектуальной собственности и ростовщических, кредитных процентов.

Деньги, и сама сущность денег, особенно интернациональных денег, которыми оперирует глобальное правительство, это самый главный аргумент, самое главное оружие в борьбе за власть во всем мире. А вследствие того, что глобальное правительство последние четыре десятилетия косвенным путем имеет в своем распоряжении еще и печатный станок и право официально деньги печатать, печатать доллар, уже и

без золотого обеспечения и лишь под ответственность некой таинственной организации Федеральной Резервной Системы США, делает это глобальное правительство уже венчанным на мировое господство, с помощью чего уже в ближайшее время оно, видимо, приберет к рукам всю существенную экономику по всей планете, централизует управление, установит свой порядок и будет единолично властвовать во всем мире. Что может быть и неплохо, там люди умные, и при единовластии и диктатуре часто больше порядка, больше продукции, лучше условия жизни, меньше войн. Но дело в том, что это будет власть не региональных или национальных правительств, это будет власть правительства интернационального. А какие ценности у такового? Только одни – те же деньги. Причем сумасшедшие, баснословные, какие нам и представить нельзя, и от каких люди дуреют. Других идей, кроме цифр и математических абстракций, у интернационального правительства, представляющего собою, по мнению одного остроумного политолога, сообщество бухгалтеров, нет. И взяться им неоткуда. Поскольку и конкретных человеческих, явленных миру лиц у них тоже нет. Они не обозначаются, не афишируются. Мало того, конкретных «зловредных» лиц как таковых даже может и не быть, а как объясняется уже через заложенный в давние времена человеческий эгрегор, «комплекс знания глобального уровня значимости», который владеет людьми, его не понимающими и не знающими о нем, на бессознательном уровне, а людей, знающих о нем и разбирающихся в его тонкостях и механизмах, выводят во власть, в силу и на еще большее обогащение. Таких, знающих все и вся досконально, посвященных, очень небольшое, вполне определенное количество, и они посредством нашего неведения продолжают богатеть, централизовываться и укрепляться, не привнося в мир ничего, кроме страсти к увеличению дохода. Ими движет сухой эгрегор и чисто бухгалтерская профессиональная принадлежность. Это не то, что могло бы в лучшую сторону изменить на земле жизнь человеческую.

Да и на самом деле... Почти двадцать лет у нас меняются кабинеты министров, меняются высшие должностные лица, а к своей собственной экономике, к науке, к образованию, к людям отношение в ре-

альности остается, как прежде, нулевое. Да и само государство за исключением просто считанных единиц в правительстве – ноль. И обратить внимание хотя бы на тот факт, что ни один человек в правительстве за восемнадцать лет ошибок, преступных халатностей, вопиющих фактов злоупотреблений, не понес никакого наказания. Ни один. Ни одно должностное лицо, кроме мелких исполнителей. В Китае рубят головы, а у нас происходит только ротация на уровне деятелей правительства, и те же недалекие люди все равно продолжают во властных структурах находиться или уходят на почетный покой. И если уберут подобного, скажем, откуда-нибудь из РАО ЕЭС, и мы еще успеем порадоваться, подумав, наконец-то!.. – то через пару месяцев ему все равно найдут работу в другом ведомстве и тоже на ответственном месте. Эта элита непотопляема, и мало того, она незаменима, потому что как коллаборационистов более удобных уже трудно найти, такими не бросаются. А средства массовой информации не то что не говорят об этом, они вообще нас, обывателей, за дураков, за ничто держат и уже не церемонятся с нами даже когда показывают, скажем по ТВ, как данность, как норму, судебные разбирательства между родственниками Лужковского клана, давно прибравшему к рукам многое в столице, а сейчас прибирающему к рукам частично и страну, публичную судебную тяжбу между женой столичного мэра и ее братом, который совершенно со спокойным видом, нагло рисуясь перед объективом телекамеры, заявляет о недополученной от сестры зарплате в течение нескольких лет в размере 331 миллион рублей в месяц. Это речь идет даже не о части прибыли, а всего лишь о его месячной зарплате! Нет, честно слово, нас, всю страну, они давно уже за лохов держат. Они нас даже не стесняются. Они же прекрасно знают, что мы уже не сможем даже возразить, ничего не сможем им сделать. 330 миллионов рублей зарплата при средней заработной плате народа в пятнадцать тысяч рублей в месяц... Издаются...

И всегда во все времена смут, обкрадывания и грабежа народа, его обнищания, засилья заморских руководителей, главенства всяких чужеродных течений, когда страну растаскивали, в том числе и свои же люди, по частям, спасал ее от полного краха простой народ, сам находясь в нищете

своих собственных лачуг и домишек, в силу того, что ему просто некуда из этой страны было деться, и за счет своей работы и своих усилий именно он не позволял стране окончательно кануть в бездну и пучину разрухи, каждый раз удерживая ее на плаву. Только сам. Конечно же, каждый раз мечтая о новых Мининых и Пожарских, но тем не менее только на своих плечах. Только обыкновенные люди, электорат, непроизвольно и каждодневно борясь с теми, кого они как бы избрали на правление, приспособившись ко всем выморочным условиям жизни, которые те им создали, к новым заморским укладам, которые каждый раз правители вводили, к заимствованным где-то новым моделям социального устройства, только он не позволял своей стране исчезнуть.

Сейчас, мне сдается, мы пребываем в очередном подобном периоде...

Но какие я все-таки разглядел в новой жизни частности?

Успехи

Стал ли я за эти годы баснословно богатым? За эти двадцать лет бизнеса? За этот период открывания предприятий и выдумывания разного рода деятельностей?..

По сравнению с Лужковским деверем, конечно же, нет.

Но, как бы там ни было, некоторые тонкости той богатой жизни мне все-таки стали ведомы. Кое с чем я соприкоснулся. Скажем, ощущение, какое испытываешь, когда твою дорогую машину пропускают на перекрестке, мне теперь знакомо. Пусть ты и объясняешь себе, что такая машина требуется тебе для соответствия деловому имиджу в определенные моменты должностных отношений, и что это иногда с практической точки зрения очень важно. Ведь живешь в их крысином мире, где тебя ценят либо по одежке, либо по машине, тем не менее ты все равно понимаешь, что дорогая машина привносит много изменений в твою жизнь...

Понятно, «Бэнтли» я посчитал бы покупать безрассудством. Да и нет у меня таких денег на машину, да я и не буду, к ней должна прилагаться личная охрана или коттедж на Рублевке и пр. Но однако то, что ГИБДДшники какую-нибудь американскую машину, последнюю из модельного ряда, последней марки, не останавливают за превышение скорости, я уже заметил. Убедился. Пока машина новая, и этой модели еще

мало в стране, американцы, скажем, только начали выпускать серию, пока эта форма еще не примелькалась и ГИБДДшники ее не узнают, не начали ее узнавать, то они даже не смотрят на тебя, вернее отворачиваются, когда ты проносишься мимо их засады на трассе со свистом. Ведь Бог его знает, кто на ней едет... Или на них новая, еще ни разу не мытая черная краска так действует, но как бы там ни было, я проверял, обгоняешь какой-нибудь «Хундаи», тоже, кстати, нарушающий правила, его тормозят, его штрафуют, а тебя вместе с твоим черным американским чудовищем, которое еще быстрее ехало, как будто и не видят вовсе. Как будто ты невидимка.

Или как все водители молчат, когда ты случайно на заправочной станции подъедешь к колонке без очереди. Если невольно получилось. А представляете, если бы ты подъехал так же на чем-нибудь попроще?

Но вот ведь в чем дело, привыкаешь ведь к ней, к дорогой-то. К хорошему всегда быстро привыкаешь, не ценишь даже потом, и мало того, ловишь себя на том, что уже и не можешь без этого хорошего обходиться и как-то на «жигуленок» уже и не тянет...

И еще открытие сделал: начинаешь улавливать к себе некое заискивающее отношение.

А вот это уже крайне неприятно. Самая отвратительная сторона предмета. Одно дело, когда тебе люди подчиняются. Например, на твоём производстве. Там ты неподчинение расцениваешь уже как помеху производственному процессу. Тем более, когда за плечами опыт службы в армии, опыт армейской дисциплины, это бесследно не проходит, остается с молодости на всю жизнь, и привычка к осознанной необходимости подчиняться кому-то в определенных случаях у тебя имеется. Привычка и твоего бывшего подчинения командирам и теперешнего подчинения людей тебе. Ты ведь директор. Но когда совершенно посторонний человек вне твоей служебной иерархии вдруг начинает перед тобой лебезить и угодничать или просто уважать тебя только за то, что ты имеешь деньги... просто из-за того, что у тебя много денег...

Это же испытываешь, например, когда звонишь в редакцию справиться о судьбе своей рукописи. В этом-то плане ничего не изменилось, там о твоей рукописи и не

знает никто, рукопись ведь из потока, кто их читает, но стоит сказать редактору, что ты звонишь издалека, сразу оживление в голосе:

– Откуда же это вы звоните?

Писатели-то сейчас тоже всякие пошли...

И подразумевается, что откуда-нибудь из Штатов или с Мальдивов... Такое журчание в голосе...

– Да нет никакой загадочности, – ответишь ты, – из Сибири, я в командировке...

– А, из Сибири, – и сразу потеря интереса и к тебе, и к рукописи...

Подобное, честно сказать, неприятно и обременительно. И ведь, что интересно, в нашей стране это уважение не из корыстных побуждений происходит. Ладно, если лакейское желание тебя обслужить и тебе угодить за границей идет от стремления получить чаевые, но у нас же искреннее бескорыстное угождение, как тебя встречают и как распахивают перед тобой двери, люди искренне сами тебя превозносят за какие-то завидные для них самих вещи. Порой даже стараешься этого не замечать, чтобы не потерять к людям уважение. Чтобы не прийти вообще к обобщениям о человеческой природе. Когда вырастешь на мыслях о равенстве, о демократии, не этой демократии нуворишей, а демократии идеалистов коммунистов-шестидесятников, когда все должно быть поровну, в малом количестве и поровну, когда, невзирая на твои достижения, твой ум, культуру, обеспеченность, заслуги, твой вклад в жизнь общества, ты не забываешь о равенстве всех перед Богом, когда ты себя с детства строил, проникнувшись в свое время идеями о принципах равенства из хороших советских фильмов, и не давал себе заноситься, и даже на производстве своем теперь в память о былом завел вне производственных отношений сплошной демократизм и отдыхаешь на свойском ироничном отношении к тебе даже грузчиков, когда сам себя так поставил в коллективе, что шутки над собой, своими промахами и слабостями тешат твою душу. Подчиняются в производственном процессе, но иронизируют вне его – сплошной комфорт.

Впрочем, не надо гордыни. Не надо уж слишком заноситься и считать, что ты сам никогда не лебезил, не подличал и не угодничал. Не преклонялся перед кем-то в свою очередь. Ведь нет, ведь какому-нибудь заслуженному и любимому тобой писателю, если покопаться в памяти, ведь ты мог по-

клоняться, ценить его за его талант и за его книги и, затаивая дыхание, звонить ему по телефону с просьбой о помощи, помощи, конечно же, в литературном плане, когда на эту просьбу, отчаявшись от неудач, решился, когда обратиться к любимому писателю как учителю ты все же смог, причем с дрожью в голосе, с робостью и перехватом дыхания, даже не в силах произнести поначалу заготовленных заранее слов, объясняя себе это не заискиванием и страхом перед его властью, высотой, а собственной искренностью, уважением к его величине и восхищением его талантом. Кто знает, может, и тебя, когда ты разыгрываешь из себя богатого, тоже не за деньги, а за твою способность к их заработку и за твою величину почитают. Так что не стоит свысока о людях судить. Пути общественного-бессознательного в человеке неисповедимы.

Впрочем, и директором-то я уже не работаю, что ж я вру, я разьежаю на дорогой машине не по нуждам предприятия и не для произведения впечатления в служебных целях, а просто потому, что уже привычка, незаметная, не бросающаяся в глаза данность. А что до директорства, я давно уже отошел от непосредственных дел, я только свадебный генерал, генеральный директор, так что ко мне можно грузчикам относиться и запанибрата, не я же теперь их наказываю, а давно уже исполнительный директор, он теперь работает, он и подобранные мной люди, а сам я на предприятии редко бываю и в основном припухаю в Москве или в подмосковной деревне, строчу свои опусы, романы, моя проблема по поводу предприятия заключается уже в другом, не в том, чтобы установить правильные отношения с коллективом, добиться подчинения или искоренить нарушения трудовой дисциплины, а в том, чтобы вообще бразды удержат. Ведь самостоятельно работающее предприятие имеет всегда тенденцию стать целиком самостоятельным. И забыть даже, что у него есть не только генеральный директор, появляющийся все реже, но и вообще хозяин, или как сейчас модно это называть: инвестор. В общем, это та тема, о которой, если уж начинать, то надо говорить отдельно.

Как говаривал дворовый человек из Тургеневских «Записок охотника»: «Живи, барин, с Богом, в Москве, да только старосту в имении меняй почаще».

Легко сказать, меняй. А если директор хорош, а тебе, чтобы поменять его, опять надо напрягаться, искать кандидатуру и передавать дела, учить чему следует. Вот какие у меня теперь проблемы...

Кстати, есть еще причины, почему меня не грабят и не разоряют. Я же создаю рабочие места! Вот в чем еще причина. Первая. А вторая – слишком малый доход и много беспокойств, чтобы кто-то еще был заинтересован моим производством. Деньги-то они считать умеют. И еще и поэтому я им неинтересен. В данном случае это мне на руку. Я ведь всегда даже побаивался резких расширений производств, покупки лишних цехов и недвижимости, иногда жертвовал вполне выгодными проектами, о чем потом сожалел, а потом, когда прижимали и складывалась опасная ситуация, не сожалел снова. Боже мой, я ведь, повторяю, не предприниматель. Я производитель. Да и это не является основным занятием в моей жизни...

Кризис

Было время, когда я писал о дружбе, о мужской, юношеской, пылкой, как первая любовь, дружбе. Я исследовал это чувство, как и от чего оно зарождается, как протекает, какие душевные движения происходят, которые потом уже с частым повторением отсутствуют, которые с возрастом вообще проходят, и ты перестаешь их замечать. Но когда это впервые, это так выпукло, это так наглядно, и все эти ощущения, пусть даже и повторяемые в связи с разными объектами, так свежи, сильны, так полны деталей, тонкостей, находок, что с нетерпением спешишь их отобразить. Как к своему сослуживцу, Сашке Королеву, в армии я испытывал просто истинную любовь, к его совершенно на мою не похожей жизни, когда щеки – кровь с молоком, рассуждений о смыслах и причинах нет в принципе, любимец женщин, с жизнью, насыщенной только любовными приключениями, когда в нем все только и создано для этих приключений и походов, все натурально, непосредственно и естественно, и так, что от испытываемой к нему то ли зависти, то ли нежности, то ли восхищения, я в избытке чувств даже целовал его иногда в его пухлую щеку. Которую он постоянно с отвращением вытирал рукавом или тыльной стороной ладони и отплевывался. А меня отталкивал. Или на практике

в Восточной Сибири на реке Лене такая тонкая дружба двух совершенно одинакового воспитания и мыслей юношей, похожих друг на друга. Общность...

Потом точно так же исследовал любовь к девушке, к женщине, это вообще бездна, ее не постичь никогда...

А в тридцать лет начал исследовать любовь к Богу, наткнувшись на это чувство через эксперименты с постами и голоданиями, которые привели меня к пониманию совершенно другого образа жизни, которым я тоже надолго увлекся, отречение, смирение, любовь к ближнему, религиозный экстаз. Все было внове: и упоительные ощущения, и чистота жизни, и нравственно и физически правильная жизнь, когда ты чист, как младенец, как будто снова вернулся назад в детство и только начал познавать окружающую действительность и снова мог улавливать малейшие оттенки душевных движений и бытия... Потом я предавал это постигнутое и найтвое шаг за шагом с каждым годом все больше и больше...

А о чем пишу, о чем думаю, что исследую я сейчас? Сроки поставки, понижение себестоимости, скидки на транспорт и какой доход...

И уже не жалею не только конкурентов, но и подчиненных. Воюю уже и конкурентов топлю, не исповедую уже принцип, что всем надо жить. Нет, уничтожаю, становлюсь жестоким, увольняю, перестал исповедовать игры в сердоболие. В принципе, перестал выполнять данное себе обещание в прошлых главах не увольнять людей. Соглашаюсь уже с увольнениями, соглашаюсь с жестокостями исполнительного директора, с сокращениями зарплат и борюсь против положенного по закону полного трехмесячного выходного пособия. И все потому, что обуреваем стремлением сохранить предприятие, в котором хоть оставшимся можно будет жить.

Даже племянника, которого продвигаю на ответственную должность и который не понимает этого особого, отдельного от рабочих положения, я ругаю, отчитываю, кричу даже на него за то, что он не может меня поддержать и принимает сторону пролетариата. За то, что все равно испытывает солидарность с ним в их чаяниях и проблемах, связанных со знакомыми ему проблемами зарплаты, с вечным отсутствием денег, которых всегда при любых обстоятельствах не хватает, сколько их не

будь, и наличие которых напрямую связано все же со мной, собственником, с зарплатой, которую я им плачу, с моими воспитательными приемами, удержаниями и поощрениями. И в конце концов, остаюсь в одиночестве, даже без явной помощи уже и исполнительного директора. И в одиночестве барахтаюсь, устанавливая экономию, бережливость, дисциплину и воюю за полностью загруженный работой рабочий день. Борюсь на предприятии лишь за выживаемость. И стал понимать уже отчетливо, что с работниками, с нанятыми работниками, как ни крутись, мы все равно по разную сторону баррикад. У нас с ними разные цели...

Позволяю себе сердиться, ворчать, быть недовольным, убеждаю себя, что вправе это делать, потому что это мои подчиненные, и это нужно для пользы дела. Хотя мысленно в душе и исповедую все тот же толстовский закон о непротivлении злу. Но сейчас он слишком уже глубоко в душе. На поверхности же один нудный мерзостный характер.

Это я вступил в мир глобальной жизни. Стал брюзгливый и раздражительный, много себе позволяя и к этому уже привыкнув.

Глобальная «закулиса». В терминологии Петровской «Достаточной общей теории управления» так называемый мировой управленец, «глобальный предиктор». Внеличностная, лишённая обязанности персоналий, предначертывающая путь и осуществляющая его исполнение структура. Анонимная множественность или, наоборот, ограниченность лиц. Гениальный властитель. Он обыграет. Он обязательно обыграет, если играть на его поле. Выход в единственном: не держаться его игр. Не ставить во главу угла деньги. Это единственный способ. Играть на поле своем.

Генерал Петров умер. Он был публичен. Единственный, боровшийся против них, кто остался в живых и победил, это был махатма Ганди, его тактика была – пассивность, неучастие в их государственных институтах, в их управлении, в выработке законов. И ведь победил! Отвоевал мирным путем через непротivление, через пассивность, через неделание, через неучастие в государственных структурах своей стране независимость, сделал из колонии Британской империи свободную страну. Это зло побеждается только добром.

Кризис – это чтобы мы ненавидели друг

друга. У них все схвачено, используются человеческие слабости, они на них играют. А чтобы вырваться, надо по-другому: не относиться к жизни серьезно. Тут, в этом пространстве, мы всегда пойдем друг друга. Тут мы не можем проиграть, и тут им нас взять нечем. Они здесь пасуют, в мире простых человеческих ценностей. В мире любви, дружбы, охоты, туризма и рыбной ловли, в мире палаточных лагерей, путешествий на велосипеде, веры в Бога, в мире таинств печатного книжного слова, загадок звуков стихий и музыки, таинств природы, таинств рождения детей.

Их поле – деньги, наше поле – нищета. И тут мы никому не нужны, не опасны и фантастически свободны.

Наша страна удивительна, мы всегда осваивали чужие социальные модели и приспособляли их под себя.

Те же Рюрики, которых славяне как бы позвали на царствование... Надо же, просто смех: «придите и владейте нами», а то мы, дескать, деремся меж собой и мирно жить друг с другом не можем. И пришли, и владели, а мы еще веков пять дрались меж собой уже под предводительством Рюриковичей.

Даже если права «Концепция общественной безопасности», и нами все века управляли и всегда нам все навязывали извне, внедряли, насаждали, то все равно все эти новые навязанные формы жизни нами всегда были приспособляемы к себе. И христианство, которое было внедрено через кровь и силой, вместо опять же как бы плохого язычества, наш народ переварил и превратил мало того, что в нечто впитавшее язычество, но и в такую аскезу, что посчитал себя даже третьим Римом, и сейчас христианское православие у нас впереди планеты всей.

Потом введение разных западных забав,

с их ассамблеями, танцами, стрижкой бород и атеистическим искусством, которое наши отечественные писатели XIX века переплавили в некую даже духовность и придали атеистическому искусству божественную основу.

У нас всегда так. Даже коммунистическую идею социализма именно в нашей стране, в отличие от других соцстран с их практическими социалистическими ценностями, мы умудрились превратить в нечто богоравное и святое, что и фанатично исповедовали очень долгое время.

И даже когда нам какую-нибудь войну подбрасывают, то и ту мы сразу превращаем в отечественную, в войну за Русь святую. Ну, иначе мы не можем.

Кто знает, может быть, и рыночную экономику мы так же освоим и пройдем.

Вспомнить только, после революции 17 года тоже лет десять-двадцать мы сходили с ума по свободе, таща с Запада все самое отвязное, вместе с половой разнузданностью и бесцеремонностью, а потом ничего, опять пришли в норму, упорядочили, что даже атеистический кодекс строителя коммунизма сформировали на основе десяти христианских заповедей, а за легкомыслие разводов коммунистов могли и из партии исключить.

Может быть, и эту эпоху мы пройдем и приспособим к себе, и глобальный предиктор опять на нас обломается, и опять мы ему зададим задачу, поскольку, если верить той же «Концепции», он нас уже много сотен лет достать не может, все никак не получается полностью прибрать к рукам и до конца победить.

Только бы побыстрее, что ли, а то, честное слово, просто уже скучно стало в этом их буржуйском и становящемся все более тоталитарным и централизованным, одноликим, компьютерно-конвейерном мире. Хотелось бы опять какими-нибудь человеческими страстями пожить...